

Глава 40. В детский сад!

Время летит незаметно. Ночь, полная беспокойного сна, сменилась рассветом. Сегодня был первый день Фэйфэя в детском саду.

Линь Сыняню даже не понадобился будильник. Едва часовая стрелка на настенных часах миновала отметку «восемь», он резко открыл глаза.

Малыш рядом с ним всё ещё сладко спал. Линь Сынянь легонько ткнул его пальцем. Потрявоженный отцовской лаской, мальчик приоткрыл глаза и, увидев знакомое лицо, сонно улыбнулся. Затем он привычно протянул ручки, прося, чтобы папа поднял его с кровати.

— Папочка, на ручки~

Какой же послушный ребёнок. Даже когда его будят, он совсем не капризничает.

Перед таким малышом иммунитет Линь Сыняня был бессилён. Он вынул Фэйфэя, одетого в пушистую пижамку, из-под одеяла и передел в комплект, который подобрал ещё вчера вечером.

Одев его, Линь Сынянь повёл Фэйфэя чистить зубы и умываться. Лишь приведя в порядок и себя, и малыша, он спустился с ним вниз завтракать.

Поскольку это был первый день Фэйфэя в саду, день, по словам Линь Ханя, «эпохальный, который бывает лишь раз в жизни», вся семья на удивление собралась за завтраком в полном составе. Даже Линь Хань прогулял утренние занятия.

Линь Цзинли сегодня смотрел на его прогул сквозь пальцы. В восемь часов он лишь бросил на сына холодный взгляд и отвёл глаза, не сказав ни слова.

Линь Хань вздохнул с облегчением.

Будем надеяться, юноша не примет исключение за правило. Иначе Линь Цзинли как отец покажет ему, что такое правильное отношение к учёбе.

Вскоре, под всеобщими взглядами, на лестнице появились Линь Сынянь и Фэйфэй.

К сегодняшнему завтраку Ян Юйин подошла со всей душой: здесь были и любимые Фэйфэем креветочные димсамы, и булочки с заварным кремом, и каша «восемь сокровищ», которую она начала варить за два часа до рассвета.

Линь Сынянь усадил Фэйфэя в его детский стульчик. Едва тот устроился, как бабушка тут же положила ему в миску прозрачный, как кристалл, димсам.

— Фэйфэй, попробуй, вкусно? Бабушка специально для тебя готовила. Ешь потихоньку, осторожно, горячо.

Фэйфэй уже давно научился пользоваться палочками, причём даже быстрее, чем другие дети. Он взял свои специальные, укороченные палочки, проткнул ими димсам и осторожно откусил маленький кусочек. Потом сам аккуратно подул на него и только тогда откусил второй раз, начав сосредоточенно жевать.

— Вкусно! — кивнул Фэйфэй. — Всё, что готовит бабушка, Фэйфэй любит.

Сладкие слова малыша так растрогали Ян Юйин, что она тут же положила ему в миску ещё и булочку с заварным кремом.

Булочки Ян Юйин специально сделала маленькими, чтобы даже такой ребёнок, как Фэйфэй, мог съесть одну за два-три укуса.

Фэйфэй ел димсам, запивая его кашей, а когда димсам закончился, принялся за булочку, всё так же чередуя её с кашей. Он ел с таким аппетитом, что сразу было видно — ребёнок не привередлив в еде.

Но Ян Юйин, глядя на него, вдруг нахмурилась.

— Эх, — вздохнула она и обратилась к сидевшему рядом Линь Гошэну. — Как думаешь, Фэйфэю понравится еда в садике? Он ведь привык к моей стряпне да к угощениям своего крёстного. А вдруг ему не понравится новая еда, и он опять похудеет?

Она с таким трудом откормила малыша до здорового состояния по диете доктора Вана. Подумать только, что все усилия могут пойти прахом, если он не привыкнет к еде в садике, — у Ян Юйин сжималось сердце.

Вдруг ей в голову пришла неожиданная мысль:

— Старик, а что, если я устроюсь в садик помощником повара? В шеф-повара я, конечно, не гожусь, но уж в помощники-то меня возьмут?

Линь Гошэн покачал головой.

— Ну что ты, ты просто слишком переживаешь за Фэйфэя. Мы, родители, должны учиться давать детям свободу. А то ты так и в школу за ним пойдёшь. Он будет чувствовать себя под

давлением.

На словах Линь Гошэн говорил одно, а про себя думал совсем другое: «Эту лазейку в семье Линь открывать нельзя. Иначе старший брат пойдёт устраиваться начальником охраны, а третий — архитектором-планировщиком. И что получится? Фэйфэй идёт в садик, а за ним хвостом тянется целая толпа родственников. Что за цирк!»

Либо никто не идёт, либо все сидят дома!

После ещё нескольких уговоров Ян Юйин, кажется, удалось убедить. Фэйфэй тем временем закончил свой завтрак.

Малыш стоял на полу, пока Линь Сынянь помогал ему надеть маленький рюкзачок. Только в этот момент вся семья по-настоящему осознала: Фэйфэй действительно идёт в детский сад.

Провожать Фэйфэя поехали Линь Цзинли и Линь Сынянь. Изначально Линь Гошэн и остальные тоже хотели поехать, но Линь Цзинли прекрасно понимал, что с такими проводами они доберутся до садика аккуратно к обеду. Поэтому всё осталось так, как договорились: он и Линь Сынянь отвезут малыша, а потом он поедет на работу.

Что до Линь Сыняня, Линь Цзинли подозревал, что его место на сегодня — в комнате видеонаблюдения детского сада. Учитывая, как он баловал сына, было невозможно представить, что он просто оставит ребёнка в садике и спокойно уйдёт.

У ворот детского сада их уже ждала воспитательница. Поскольку их предупредили заранее, а профессионализм воспитательницы соответствовал её высокой зарплате, она не выказала ни малейшего удивления, когда в поле её зрения возникло до боли знакомое лицо Линь Сыняня. Она сохраняла невозмутимость, даже когда увидела, как он ведёт за руку очаровательного малыша, и услышала, как тот называет его папой.

Линь Сынянь, держа Фэйфэя за руку, шёл за воспитательницей, а Линь Цзинли следовал чуть поодаль, осматривая территорию и здания детского сада.

Воспитательница, идя впереди, с улыбкой обратилась к Линь Сыняню:

— Какое совпадение, сегодня не только Линь Лэфэй, но и другой мальчик, Чу Сяохань, тоже первый день в саду. Они будут в одной группе.

Ушки Фэйфэя дёрнулись, и он поднял голову, посмотрев на воспитательницу. Кажется, он услышал знакомое имя.

И тут, словно в подтверждение её слов, в поле зрения Фэйфэя появился Чу Сяохань, только что закончивший оформление документов.

При виде Чу Сяоханя Фэйфэй тут же забыл о своём обещании не разговаривать с ним пять дней и, радостно помахав рукой, воскликнул:

— Братик Сяохань, я здесь!

Чу Сяохань, услышав голос Фэйфэя, тоже направился к нему.

Когда они встретились, Фэйфэй привычно взял его за руку и, покачивая ею, спросил:

— Братик Сяохань, а ты что здесь делаешь?

Чу Сяохань поджал губы и коротко ответил:

— Учиться.

Он и сам не до конца понимал, как так вышло. В тот день, после того как Фэйфэй впервые в жизни повесил трубку, он пошёл к дедушке и сказал, что хочет пойти в детский сад.

Чу Сяохань до сих пор помнил удивлённое выражение на лице деда. «В детский сад? Чему тебя там научат?» — такими были слова господина Чу.

Чу Сяохань, сохраняя спокойствие и не упоминая Фэйфэя, подошёл к вопросу с другой стороны:

— Заводить друзей. Дедушка, ты сам мне говорил, что когда ты состаришься, а я вырасту, у меня не будет родных, которые мне помогут. А раз не будет родных, значит, нужно много друзей. А друзей нужно заводить с детства, чтобы потом на них можно было положиться.

Он не знал, поверил ли дедушка его доводам, но, пристально посмотрев на него, он согласился.

Однако было и условие: после садика он по-прежнему должен будет заниматься с репетиторами, которых нанял господин Чу.

Надо сказать, что аргументы Чу Сяоханя действительно заставили господина Чу задуматься. «Больше друзей — больше путей», эта поговорка всегда верна. Но друзья — это не то, что можно приобрести в одночасье, когда тебе понадобится помощь.

Эти люди... чем старше они становятся, тем меньше в них искренности. Настоящие, преданные друзья — это те, кого знаешь с детства. Те, с кем вместе пережил самые прекрасные годы, вместе плакал, смеялся, вместе проказничал и получал нагоняй.

Когда вырастаешь, каждый раз, вспоминая то прекрасное и незабываемое время, неизбежно вспоминаешь и друзей детства. Постепенно эти воспоминания вызывают тёплые чувства и привязанность.

А что во взрослой жизни?.. Откровенно говоря, когда исчезает даже простая, базовая радость, откуда взяться искренним чувствам? Их остаётся до обидного мало.

Даже дружба господина Чу и Линь Гошэна зародилась в детстве, и именно поэтому господин Чу решил протянуть руку помощи семье Линь в самый трудный для них момент.

Дружба, пронесённая с детства через всю жизнь, всегда важнее и искреннее той, что завязывается в зрелом возрасте.

Поэтому, независимо от истинных причин, побудивших Чу Сяоханя пойти в детский сад, господин Чу дал своё согласие.

Не исключено, что в этом решении было и желание как-то компенсировать Чу Сяоханю его лишённое обычных детских радостей детство.

— Ура! Братик Сяохань, мы теперь будем учиться вместе! — Фэйфэй, услышав ответ, обрадовался и стал ещё сильнее раскачивать их сцепленные руки.

Поскольку малыша заранее подготовили к походу в сад, да ещё и неожиданно встретился Чу Сяохань, на этот раз Фэйфэй обошёлся без слёз.

Правда, когда Линь Сынянь и Линь Цзинли скрылись за дверью класса, он всё же потёр покрасневшие глаза.

Чу Сяохань, увидев это, испугался, что тот расплачется, и поспешно попытался отвлечь его:

— Фэйфэй, у тебя есть с собой конфеты? Я хочу конфету.

Фэйфэй перестал тереть глаза и принялся шарить в своём рюкзаке.

— Конфеты в рюкзаке.

Чу Сяохань встал за его спиной и легонько потряс рюкзачок.

Фэйфэй, почувствовав его движения, спросил:

— Братик Сяохань, что ты делаешь?

— Проверю, тяжёлый ли, — ответил тот.

Маленький рюкзачок был совсем лёгким. Неудивительно, что Фэйфэй мог носить его так долго и не жаловаться на усталость.

Проверив вес, Чу Сяохань расстегнул рюкзачок и, как и ожидал, в одном из кармашков нашёл знакомые прозрачные фруктовые леденцы.

Линь Сынянь, тайком наблюдавший за Фэйфэем из-за угла коридора, почувствовал одновременно и облегчение, и лёгкую горечь. Облегчение — потому что Фэйфэй не плакал. Горечь — по той же самой причине.

«Значит, я не так уж и важен для него... Папа ушёл, а он так быстро переключился на другого мальчика».

Мысли опечаленного отца зашли в тупик.

— Перед уходом я сказал Фэйфэю, что ты будешь наблюдать за ним из места, где он тебя не увидит, — раздался сзади голос Линь Цзинли. Линь Сынянь обернулся и встретился с ним взглядом. — Судя по выражению его лица, он поверил.

Линь Сыняню стало немного легче.

И действительно, когда он снова стал наблюдать за Фэйфэем, то заметил, что малыш время от времени оглядывается по сторонам, словно кого-то ищет.

Линь Сынянь почувствовал, что его отцовское сердце окончательно исцелилось.

<http://bllate.org/book/13654/1589774>